

«Единственный голос, к которому прислушивается правительство»

*Евгений Емельянов, Андрей Тесля**

Аннотация. Анализируется контекст письма Ю. Ф. Самарина А. И. Герцену от 9 мая 1858 г.: рассматриваются отношения Герцена с участниками славянофильского кружка, выделяются моменты интеллектуальной близости Герцена к славянофилам в 1850-е, реакция Самарина на мемуарную характеристику славянофилов 1840-х, данную Герценом в «Былом и думях».

Ключевые слова. Западники, народничество, национализм, славянофилы, социализм, И. С. Аксаков, А. И. Герцен, Ю. Ф. Самарин, «Былое и думы».

И для Герцена и для славянофилов вторая половина 1850-х — начало 1860-х гг., т. е. первые годы царствования Александра II, начавшиеся с «оттепели» и продолжившиеся набиравшими свой темп реформами в самых разных сферах государственной и общественной жизни, оказались периодом наибольшей активности и одновременно наивысшего общественного влияния. Собственно, самих «западников» (в отличие от славянофилов) к этому времени уже не существовало — а те, кто пытался до некоторой степени сохранить прежний характер «западнического» объединения, стремительно утрачивали свое общественное влияние, оставаясь памятниками ушедшей эпохи, возрождая «общественную повестку», к тому времени уже утратившую свою актуальность, сменившуюся новыми вопросами, новыми размежеваниями и сближениями (подчас неожиданными в свете предшествующих объединений).

Примером подобного, неожиданного на первый взгляд сближения выступают отношения ряда славянофилов с Герценом: сближения, осуществлявшегося одновременно с двух сторон — не только славянофилы проявляли интерес к Герцену и к его лондонской деятельности, но и он на протяжении этих лет (с 1857-го по 1863/64-й) активно интересовался делами славянофилов и искал точки соприкосновения.

Данный интерес питался не только соображениями практического плана¹, но и идейной близостью, максимальной во второй половине 1850-х гг. за счет параллель-

* **Емельянов Евгений Павлович** — аспирант Института истории и археологии УрО РАН. Email: sverdlovsk89@mail.ru; **Тесля Андрей Александрович** — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии ТОГУ. Email: mestr81@gmail.com

© Емельянов Е. П., 2012

© Тесля А. А., 2012

© Центр фундаментальной социологии, 2012

1. Практические интересы в данном случае достаточно очевидны: это и вопрос об освобождении крепостных с наделением их землей, и потребность в источниках информации в России — а славя-

ной эволюции взглядов «младших» славянофилов и Герцена. Как убедительно продемонстрировал М. Малиа (Малиа, 2010: гл. 12), славянофилы оказали серьезное влияние на развитие взглядов Герцена, причем если до 1846 г. преобладающим оставались воздействия групповой солидарности «западников» как лагеря, противостоящего официальным кругам и славянофилам, то после раскола летом 1846 г. (точнее, когда Герцен в споре с Грановским фактически оказался в одиночестве — поддержка со стороны Огарева и Белинского была отнюдь не полной, при этом Белинский находился в Петербурге, так что его воздействие на участников спора было существенно ослаблено и данным обстоятельством) Герцен оказался в идейной изоляции, которую усугубил отъезд в Европу, где он долго находился на положении маловлиятельного чужака — одновременно обретя свободу для своих размышлений и надежд. Уже с первых работ 1847 г., а отнюдь не под воздействием революции 1848 г., Герцен выступает критиком Запада, события же 1848 г. и последовавшие за ними послужат лишь большей убедительности данной критики, придадут ей выразительность и одновременно создадут первую (вскоре начавшую расти) благодарную аудиторию как в Европе, так и в России (см.: Малиа, 2010: гл. 14–15).

Герцен дал позитивный ответ на славянофильский запрос на утверждение русской нации как исторической. В то же время это ответ — не просто совместимый с радикализмом, но претендующий на то, чтобы стать его крайним выражением: если для большинства западников «будущее России» заключалось лишь в том, что она сможет повторить европейский путь, пойти следом за более развитыми странами (ответ, неудовлетворительный во многих отношениях, в том числе и в том, что утверждал и увековечивал «вторичность» России, обрекая ее на воспроизведение чужого опыта), то Герцен сформировал историческую перспективу — сходясь со славянофилами в первую очередь в утверждении особых качеств русского народа (равно как и в отвержении существующего порядка) и одновременно делая ставку на будущее (в отличие от славянофилов, правда, безразличный к прошлому, не нуждающийся в «моментах аутентичности» или, по крайней мере, приближений к ней: пустота истории, неисторичность — отсутствие в истории — оказывалось преимуществом, наличием в русском народе нереализованных, невоплощенных до сих пор потенциалов).

Заемствует Герцен у славянофилов и конкретные интеллектуальные схемы. Так, например, в работах 1851–1853 гг. он утверждает: «Славянские народы, собственно, не любят ни государства, ни централизации. Они любят жить в разбросанных общинах, удаляясь как можно больше от всякого вмешательства со стороны правительства.

нофилы имели достаточно широкий и, что важнее, зачастую весьма высокопоставленный круг знакомств, в частности, имели связи с двором, преимущественно с его женской половиной (да и сама императрица была относительно благосклонна к ним через посредство своих фрейлин — а вплоть до середины 1860-х она имела большое влияние на императора, начавшее ослабевать, но никогда окончательно не исчезнувшее, с момента завязавшегося романа Александра II с кн. Е. М. Долгоруковой (см.: Власть и реформы, 2006: 268–269; Тютчева, 2008)). Для славянофилов же контакты с Герценом были возможностью использовать его издательскую площадку и, что важнее, повлиять на него в тактическом плане, смягчая те или иные возможные выступления Герцена, убеждая акцентировать или, напротив, удержаться от привлечения внимания публики к тем или иным внутрироссийским вопросам.

Они ненавидят военный строй, они ненавидят полицию. Федерация была бы самая народная форма для славянских народов. Петербургский период — тяжкий искус, трудное воспитание в государственную жизнь. Он насильно сделал большую пользу России, соединив части ее и спаяв их в одно целое, но он должен миновать» (цит. по: Малиа, 2010: 535–536).

Суммируя взгляды Герцена этого периода, крупнейший исследователь его мысли Мартин Малиа пишет: «Государство, с тех пор как оно появилось, было чужеродным элементом, навязанным лишь резкой необходимостью. Давление других народов, сначала — монголов, позднее — поляков, литовцев и шведов, породило необходимость создания сильного централизованного государства. В противном случае русские повторили бы судьбу балканских славян, находившихся под игом турок, или чехов, находившихся под австрийским игом, — они бы потеряли независимость и утратили национальный характер. Позже миссия состояла в привнесении в Россию просвещения и государственных форм жизни и проходила под западным влиянием. С момента создания государства Россия вступила на столбовую дорожку человеческого развития. Все же, несмотря на оказанные стране услуги, самодержавие всегда оставалось чужеродной силой в России, непохожей на социальный „римский“ тип обожествляемого государства Запада, созданного самим народом. „Истинная“ жизнь России осталась только в крестьянской общине, несущей непосильную ношу инородного византийского самодержавия и немецкой бюрократии, но остающейся, несмотря на это, все такой же сильной и выносливой» (Малиа, 2010: 535; перевод испр.). Данная позиция родственна по ряду ключевых моментов воззрениям К. С. Аксакова: это и признание негосударственного характера русского народа и славян в целом, внешний характер государственности, различие между западным стремлением сделать государство выражением народа и отстранением русского народа от государства, находящего свою «истинную» жизнь в общине. Разумеется, славянофилы не могли бы согласиться с уравниванием «византийского самодержавия» с «петербургской империей» как одинаково внешних форм — первое, т. е. московский период выступал для славянофилов как исторически ограниченное, но адекватное выражение отношений между землей и государством, тогда как «петербургский» период оказывался пусть и исторически необходимым (в плане «божественной педагогики»), но искажающим, затемняющим истинное отношение между землей и государством, непониманием государством своего истинного предназначения (см.: Тесля, 2012: 42–46). Однако расходясь в интерпретации прошлого, Герцен и славянофилы оказывались весьма близки в видении будущего (при учете того существенного аспекта, что Герцен стремился целиком устранить христианское видение истории — если для славянофилов чаемое взаимное устройство «Земли» и «Государства» оказывалось реализацией, максимально возможным здесь, на земле, воплощением христианского идеала, соотношения «града земного» и «града Божьего», с его столь же неизбежным земным несовершенством, восполняемым лишь в идее, то для Герцена речь шла именно о «земном устройении»).

В то же время Герцен подчеркивает свою интеллектуальную независимость, в особенности от современников и тем более от тех, с кем он полемизирует и с кем

сопоставляется в мнениях публики — отсюда для Герцена вытекает само собой разумеющееся подчеркивание отличий от славянофильской точки зрения и стремление даже в личной переписке оговаривать любую близость с чужим воззрением, выходящую за пределы практического действия, — близость возможна только как политическая, в рамках компромисса, политического взаимодействия, направленного к общей конкретной цели, тогда как автономия логики действия, интеллектуальных оснований к нему и интерпретации его последствий должна оставаться в неприкосновенности (поскольку является основанием, переводящим влияние Герцена из фактического плана случайных обстоятельств: эмиграция, наличие значительных свободных денежных средств и т. п. — в основание его личного, персонального статуса «идеолога», или, на языке той эпохи, «властителя дум»).

Для славянофилов характерно параллельное герценовскому движение, подробно изученное и описанное в работах А. Валицкого (Walicki, 1975) и Н. И. Цимбаева (Цимбаев, 2007: 363–374), сводящееся к тому, что если для конца 1840-х — начала 1850-х гг. наиболее характерно стремление дистанцироваться от всяких политических требований, подчеркивание «неполитического» характера русского народа (наиболее последовательное свое выражение она нашла в текстах К. С. Аксакова данного периода), то с 1856 г., когда открываются возможности общественной деятельности и политического влияния, славянофилы все в большей степени модифицируют свои взгляды в плане практической осуществимости, идя на компромиссы и включаясь в текущую деятельность (наиболее важным для большинства из них в этот период становится работа по крестьянскому вопросу).

Однако не только относительное сближение по политическим вопросам связывало славянофилов и Герцена — некоторое значение следует признать и за бытовой близостью. Если «западники» были первым довольно отчетливым движением к явлению, получившему в дальнейшем название «интеллигенция», то «славянофилы» принадлежали к тому времени к уже вполне сложившейся дворянской культуре, к по меньшей мере второму-третьему поколению дворянских семей, осознающих свою историю, чья молодость пришлась на александровское царствование с присущим ему специфическим ростом дворянского самосознания, саморефлексии своего статуса (см.: Щукин, 2007). В своем положении незаконнорожденного, выходец из «случайного семейства», тяжелые и противоречивые черты членов которого вполне различимы в смягчающем описании «Былого и дум» и которые явственнее очерчены в мемуарах Пассек (Пассек, 1963; Малиа, 2010: гл. 2), Герцен был в некоторой степени отделен от жизненного уклада славянофилов, однако именно в бытовом плане был куда ближе к их кружку, чем к кругу «западников». Так, если В. Г. Белинский отзывался о Ю. Ф. Самарине в том духе, что «этот барич третировал нас с Вами du haut de grandeur², как мальчишек» (Белинский, 1983: 702), то для Герцена это самаринское «барство» было скорее симпатично и близко — в письме к Н. Х. Кетчеру от 2–3.XII.1843 г. он пишет: «c'est un parfait honnete homme... да сверх того tres distingue³» (цит. по: Малиа, 2010:

2. «С высоты величия» (фр.).

3. «Это идеально честный человек, да сверх того с прекрасными манерами» (фр.).

408). Характерен не только отзыв Герцена о Самарине, но и избранная им форма его выражения — подчеркивая свою солидарность с объектом описания, Герцен переходит на французский, легкостью владения которым собеседники его московского западнического кружка в большинстве своем не отличались.

Итак, основания для сближения были у обеих сторон, а основной фигурой, через которую начало осуществляться взаимодействие Герцена со славянофилами, стал И. С. Аксаков: немного знакомый с Герценом еще с Москвы 1840-х гг., он встретился с ним в августе 1857-го. Н. А. Огарева-Тучкова вспоминала: «Приезжали и люди вполне порядочные, развитые, сочувствующие Герцену. Между ними один только в эту эпоху меня глубоко поразил совей благородной, немного гордой наружностью, цельностью, откровением своей натуры. Это был Иван Сергеевич Аксаков. Он знал Герцена еще в Москве. Тогда они стояли на противоположных берегах. Читая во многих заграничных изданиях Герцена о разочаровании его относительно Запада, Аксаков, вероятно, захотел проверить лично, ближе ли стали их взгляды, и убедился, что они — деятели, идущие по двум параллельным линиям, которые никогда не могут сойтись. <...> В продолжение нескольких дней Герцен и Аксаков много спорили, ни один не считал себя побежденным, но у них было обоюдное уважение, даже больше, какая-то симпатия, какое-то влечение друг к другу; так они и расстались бойцами одного дела, но с разных отдаленных точек» (Огарева-Тучкова, 1959: 116).

Ценное воспоминание Огаревой, отражающее запомнившийся эмоциональный эффект от пребывания Аксакова, легко корректируется письмами самого Герцена, отправленными вскоре после встречи. Так, 8/20 августа он пишет М.-А. фон Мейзенбург⁴, извиняясь за промедление в переписке из-за обилия встреч с русскими: «Наиболее интересное лицо — сын Аксакова (брат ярого славянофила), человек большого таланта, сам немного славянофил, человек с практической жилкой и проницательностью. Он сказал, что влияние наших изданий огромно, что мир чиновников их ненавидит и боится — но что вся молодежь не желает ничего признавать, кроме „Полярной звезды“ и „Колокола“» (Герцен, 1962: 114; ср. письмо тому же адресату от 16/28.VIII.1857: Герцен, 1962: 117). И. С. Тургеневу 17/29 августа Герцен пишет: «Здесь был Ив. Акс<аков>, и мы с ним очень, очень сошлись; его драмат<ические> будут в IV „Пол<ярной> звез<де>“. Он двумя головами выше славяномердвов — вроде Крылова, Григорьева, Филип<ова>⁵. Я выпросил у него Никитку Крыл<ова> на съедение — и уважил, нечего сказать в 3 „Колоколе“...» (Герцен, 1962: 117).

4. Мейзенбург Мальвида фон (1816–1903) — воспитательница детей А. И. Герцена, переводчик ряда его работ на немецкий. О ней см. любопытный очерк в работе: Перцев, 2009.

5. Крылов Никита Иванович (1807–1879) — профессор римского права Московского университета (1835–1872).

Григорьев Василий Васильевич (1816–1881) — востоковед, профессор Петербургского университета (1862–1878), начальник Главного управления по делам печати (1874–1880).

Филиппов Третий Иванович (1825–1899) — с 1856 по 1864 г. служил в канцелярии Св. Синода, с 1864-го — в Государственном контроле (с 1889-го по 1899-й — Государственный контролер).

Все трое публиковались в «Русской Беседе» в первое время ее издания, а Т. И. Филиппов первоначально был помощником А. И. Кошелева в редакции.

Последний момент особенно интересен с точки зрения нашего сюжета и потому необходимо рассмотреть его подробнее. Статья, о которой упоминает Герцен в письме к Тургеневу, вышла в № 3 «Колокола» за 1857 г. (стр. 25–26) под заголовком «Лобное место» и была помечена 10 августа, т. е. написана почти сразу же после отъезда Аксакова⁶. Посвящена она разбору нашумевшего выступления Н. И. Крылова на докторском диспуте Б. Н. Чичерина, точнее, публикации оногo (существенно переработанного и дополненного для печати, разросшегося в целый трактат) в «Русской Беседе»⁷ и в грубой форме «разносит» статью Крылова, утверждая, что таким «языком русская литература не говорила никогда; это Барков — верноподданнической поэзии, это de Sade — раболепия!» (стр. 25). Однако прежде чем перейти к «разносу» статьи, Герцен делает важное вступление: «До нас дошли слухи, что Славянофилы „Русской Беседы“ недовольны отзывом „Полярной Звезды“ об их Сборнике.

Почему же нам было иначе отзываться? Пусть сами Славяне скажут, могли ли мы равнодушно говорить о Сборнике, в котором бывшие Липрандивские чиновники⁸ клеветают на дорогих нам покойников под предлогом дружбы⁹; в котором нагло проповедуют царградскую философию рабства?

Мы знаем, как многим из них противны эти учения. — Зачем же они допускают такие статьи, зачем защищают их?» (стр. 25).

С этой статьей вполне мог солидаризироваться (если не по тону, то по основной направленности) и И. С. Аксаков, незадолго до встречи с Герценом писавший брату о Кошелеве, издававшем «Русскую Беседу» (в связи с обсуждением возможности принять на себя (со)редакторство журнала): «Он в восторге от „Беседы“ теперешней, а я нет. Я не соглашаюсь подписывать старую программу „Беседы“, потому что, как тебе известно, она мне не нравится. Он пишет мне, напр<имер>, что гордится тем, „что ‘Беседа’ заслужила внимание просвещеннейших лиц нашего духовенства“, а я пишу, что краснею от сочувствия „Беседе“ графа Ал<ександра> П<етровича> Толстого¹⁰, Отца Матвея¹¹ и Филарета¹². Это все те „союзники гнилья“, о которых ты когда-то писал. Их сочувствие, основанное только на недоумении, просто позорно» (Русская беседа, 2011: 365).

Стоит отметить, что это еще и период максимального «западничества» (если выражаться с известной долей условности) Аксакова и один из пиков относительного

6. И. С. Аксаков прибыл в Англию 3/15.VIII.1857 и, встретившись с Герценом, уехал до 8/20.VIII.1857.

7. Русская Беседа. 1857. Кн. 1, отд. III, стр. 25–102. Кн. 2, отд. III, стр. 89–166; о самом выступлении Крылова и последовавших событиях см.: Чичерин, 2010: 342–348.

8. Указание на В. В. Григорьева.

9. Речь идет о нашумевшей статье В. В. Григорьева «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве» (Русская Беседа. 1856. Кн. III, отд. V, стр. 17–46; Кн. IV, отд. V, стр. 1–57).

10. Толстой Александр Петрович, граф (1801–1874) — генерал-лейтенант, с 1856-го по 1862-й — обер-прокурор Св. Синода.

11. Отец Матвей (Матвей Александрович Константиновский, 1791–1857) — ржевский священник, духовник Н. В. Гоголя.

12. Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов, 1782–1867) — с 1826 года и до кончины — митрополит Московский и Коломенский.

«западничества» Самарина. В это время с ними близко сходится кн. В. А. Черкасский, всегда остававшийся достаточно далеким идейно от А. И. Кошелева (а их сближение перед совместной работой в Царстве Польском, куда Кошелев был приглашен по инициативе Черкасского, закончилось решительным разрывом отношений). В мемуарах Н. А. Огаревой-Тучковой Черкасский (вместе с бароном А. И. Дельвигом) упоминается среди лондонских визитеров, «сочувствовавших убеждениям двух друзей хоть отчасти», в противопоставление тем, «которые приезжали только из подражания другим» (Огарева-Тучкова, 1956: 192).

Об изменении отношения к славянофилам, демонстрируемым в беседах с посетителями его дома в Путнее, свидетельствуют, в частности, воспоминания А. П. Милюкова¹³, видевшегося с Герценом незадолго до встречи последнего с И. С. Аксаковым, в конце мая — первой половине июня 1857 г.: «К славянофильской партии он относился уже не с той резкостью, какой прежде отличались его нападки на людей этого направления. Смеясь над их стремлением возвратиться „к допетровской лежанке“ и беседовать отсюда с народом, облачась в охабень и мурмолку, он тем не менее отдавал справедливость патриотизму и талантливости Хомякова, Аксаковых. Мне показалось даже, что в это время Герцен, по некоторым своим суждениям, приближался к этой партии, которую прежде так беспощадно осмеивал. В его взглядах на русский народный характер, на общину и круговую поруку было много общего с славянофильскими журналами¹⁴, а отзывы его о европейском обществе в отношении к явлениям, возникшим после событий 1848 и 1849 годов, невольно напоминали известные иеремиады о гниющем Западе¹⁵. Что касается вопроса об освобождении крестьян, то

13. Милюков Александр Петрович (1817–1897) — писатель, преподаватель литературы в средних учебных заведениях СПб., в молодые годы был близок к кружку петрашевцев. Известность ему принесли «Очерки истории русской поэзии» (1847); публиковал литературно-критические статьи в «Библиотеке для Чтения», «Отечественных Записках», «Русском Вестнике» и др. Воспоминания о Герцене вошли в его мемуарную книгу «Литературные встречи и знакомства» (СПб., 1890).

14. Если это не следствие несколько выпяченного способа выражения, то перед нами ошибка памяти мемуариста — на тот момент славянофилы издавали только один журнал, «Русскую Беседу» (с 1856 г.). В 1858 г. А. И. Кошелев предпримет также издание журнала, специально посвященного аграрному вопросу, «Сельское благоустройство», выходившего с марта 1858-го по апрель 1859-го. На языке той эпохи «журналами» (по французской манере) называли также и «газеты», тогда может иметься в виду недолговременная «Молва» (с 13 апреля по 28 декабря, 38 номеров), выходившая с передовицами и при тесном участии (нередко в литературе обозначаемом как «неформальное редакторство») К.С. Аксакова (официальным редактором был С. М. Шпилевский), однако иметь ее в виду А. И. Герцен вряд ли мог, поскольку маловероятно, чтобы первые номера газеты уже успели достигнуть Лондона (в дальнейшем Герцен будет договариваться с И. С. Аксаковым об обмене изданиями, чтобы держать друг друга в курсе своих дел). Из версий, основывающихся на точной передаче мемуаристом отзывов Герцена, остается в силе лишь та, что под «журналами» Герцен вместе с «Русской Беседой» имел в виду выходившие раньше «Московские сборники» (расценивавшиеся славянофилами как «сериальное издание»: выпущенный в 1852 г. т. I «Московского сборника» его редактор И. С. Аксаков считал продолжением изданий 1846 и 1847 гг., выходивших трудами В. А. Панова).

15. Выражение «Запад гниет» принадлежит С. П. Шевыреву, однако нередко переносилось на славянофилов без оценки отличия их позиции от московских сторонников доктрины «официальной на-

во всех главных основаниях его он прямо примыкал к славянофилам. Я думаю, что впоследствии он мог бы согласиться и с другими принципами этой партии, за исключением разве ее религиозных убеждений» (Милуков, 1956: 226).

В. А. Китаев так оценивал контакты Герцена с Аксаковым: «В условиях обозначившегося к 1858 г. разрыва с правым крылом либерального западничества Герцен стремился поддержать и укрепить свои связи со славянофилами. <...> С этой точки зрения фигура младшего Аксакова приобретала для Герцена особый интерес. Склонный к отказу от наиболее косных черт славянофильской доктрины, он более всего подходил к роли соединительного звена между издателями „Колокола“ и славянофильским кружком» (Аксаков Иван Сергеевич, 2011: 10). В принципе сказанное может быть распространено и на Ю. Ф. Самарина, за одним исключением — глубоко вовлеченный в подготовку крестьянской реформы, он не имел ни времени, ни сил на налаживание внешних контактов — на тот момент большая часть публицистической активности славянофилов легла на плечи И. С. Аксакова, склонного к подобного рода деятельности (см.: Пирожкова, 1997: гл. 6).

Для Ю. Ф. Самарина и И. С. Аксакова исключение из общего мнения о славянофилах делал даже «неистовый Виссарион». В письме к Герцену от 4.VII.1846 г. он признает, что статья Самарина в «Московском сборнике» «умна и зла, даже дельна» и «это убедило меня, что можно быть умным, даровитым и дельным человеком, будучи славянофилом» (Белинский, 1982: 601) и следом сообщает: «В Калуге столкнулся я с Иваном Аксаковым. Славный юноша! Славянофил, а так хорош, как будто никогда не был славянофилом. Вообще я впадаю в страшную ересь и начинаю думать, что между славянофилами действительно могут быть порядочные люди. Грустно мне думать так, но истина впереди всего!» (Белинский, 1982: 601; ср.: там же: 705, письмо К. Д. Кавелину от 7.XII.1847).

Первоначальный интерес «младших» славянофилов к Герцену не является чем-то специфическим. В кн. I «Голосов из России» (1856) в «Письме к издателю», подписанном «Русский либерал» (под этим обозначением скрывались К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин), говорилось: «не сочувствуя теперешней вашей деятельности, решительно не становясь под ваше знамя, мы, через отсутствие всякой гласности в России, вынуждены искать для современной русской мысли пристанища и великодушного крова у вас» (Голоса, 1974: 35–36). Подобные слова могли бы произнести и славянофилы, по крайней мере, некоторые из них, такие как И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, кн. В. А. Черкасский¹⁶. К 1858 г. ситуация изменилась — более нельзя было сказать, что в России отсутствует «всякая гласность». Изменился, соответственно, статус герценовских изданий — ранее бывших площадкой всякого свободного слова (точнее,

родности».

16. В «Голосах из России» в кн. IV (1857) публиковался даже М. А. Дмитриев (стихотворение «Когда ваш Новгород великий...»; было переиздано Герценом и Огаревым в «Русской потаенной литературе XIX столетия. Отд. I: Стихотворения. Ч. 1». Лондон, 1861), человек куда более консервативных взглядов по сравнению даже с наиболее традиционалистски и верноподданнически настроенными представителями славянофильского круга (см.: Дмитриев, 1998).

декларировавших свой статус в качестве таковой площадки), они стали к этому времени выразителями вполне определенной политической позиции, благо у значительной части оппонентов Герцена, одновременно бывших оппонентами существующей власти, появилась возможность с существенной полнотой выражать свои взгляды в подцензурной печати (в особенности для публики, приученной за предшествующие десятилетия к искусству чтения между строк)¹⁷.

Достигнутое соглашение о систематическом обмене изданиями (Аксаков Иван Сергеевич, 2011: 10; Дудзинская, 1983: 49–50) привело к тому, что вышедшую в феврале 1858 г. из печати четвертую книгу «Полярной звезды» уже в апреле месяце кн. В. А. Черкасский привез в Москву (в количестве 10 экземпляров: Эйдельман, 1966: 88). В ней наряду с пьесой И. С. Аксакова «Присутственный день уголовной палаты» были напечатаны и главы «Былого и дум», посвященные воспоминаниям о московских славянофилах. Этот текст и вызвал публикуемое ниже письмо Ю. Ф. Самарина, написанное под непосредственным впечатлением от прочитанного.

Прежде всего необходимо напомнить, что Самарин был близко знаком и интенсивно общался с Герценом, оказав некоторое влияние на его интеллектуальную эволюцию, в 1842–1844 гг., что нашло отражение в его дневнике (см.: Герцен, 1954а), по оценке Малиа, не кажущейся сильно завышенной, «для Герцена не было более обещающей и привлекательной личности во всей Москве» (Малиа, 2010: 408; ср.: Нольде, 2003: 199)¹⁸. На момент опубликования славянофильских глав «Былого и дум» большая часть участников (за исключением братьев П. В. и И. В. Киреевских) пребывали в добром здравии и принимали более или менее активное участие в интеллектуальной жизни страны — так что соответствующие воспоминания Герцена не могли рассматриваться лишь как мемуарные зарисовки, более или менее верные, но как актуальный текст, тем более учитывая статус его автора. Поэтому и ответ Самарина на опубликованные главы также вписан в текущий политический контекст, и хотя публикуемое письмо представляет интерес во многих отношениях, мы же постараемся выделить аспекты, являющиеся ключевыми для автора и адресата:

1) «*Бои за историю*». С 1855–1856 гг. начинают достаточно активно появляться мемуарные свидетельства, посвященные недавнему прошлому и описывающие события, многие участники которых на тот момент еще живы и деятельны. Так, в 1856 г. выходит биография Н. В. Станкевича, написанная П. В. Анненковым, являющаяся своего рода агиографией лидера известного кружка, славянофильская «Русская Беседа» в то же время публикует мемуарный очерк В. В. Григорьева о молодых годах

17. Возможности неподцензурных герценовских изданий использовал И. С. Аксаков, опубликовавший в «Полярной звезде» (1858. Кн. 4) «Присутственный день уголовной палаты. Судебные сцены». По мнению Е. А. Дудзинской, возможно, И. С. Аксакову также принадлежит пьеса «Русские в Париже в 1858 году», опубликованная в №11 «Колокола» от 15.III.1858 (Аксаков Иван Сергеевич, 2011: 296). В том же году в «Колоколе» была напечатана статья А. И. Кошелева «Программа для занятий губернских комитетов» (№№19 и 20 от 15.VII.1858 и 1.VIII.1858 соответственно).

18. Эмоционально, впрочем, для романтической природы Герцена был ближе Константин Аксаков — нежность к нему, доносимая сквозь иронию, отчетливо донесена в общеизвестных фрагментах «Былого и дум», посвященных славянофильскому кружку.

Т. Н. Грановского, воспринимаемый «западниками» как диффамация одного из наиболее известных и уважаемых своих представителей. Помимо опубликованных мемуарных свидетельств в этот же период создаются и тексты, которые хотя и будут изданы гораздо позже, однако достаточно широко распространяются в виде «рукописной литературы» или на чтениях в московских салонах: так, в связи со столетним юбилеем Московского университета по инициативе К. С. Аксакова (подавшего первый пример) создает свои воспоминания о годах учебы Ю. Ф. Самарин. Для всех основных деятелей 1830-х — 1840-х гг. ясно, что эпоха закончилась, начался новый период — и в силу этого мемуары играют ключевую роль в «присвоении прошлого». В данном контексте вес мемуарного свидетельства Герцена очевиден — и в силу его роли в описываемых событиях, и текущего статуса, и литературного дара: тот образ, который Герцен утвердит своим текстом, имеет все шансы стать самой «истиной» для непричастных — и оттого столь понятна напряженная реакция Самарина, его требование скорректировать текст.

2) *Сотрудничество*: собственно, острота вопроса о прошлом — это снятие моментов, являющихся основаниями к размежеванию, в том числе основаниями личного плана. В этом отношении очень характерно фактически ставшее ответным письмо И. С. Аксакову (от 27.X/8.XI.1858), где Герцен выставляет встречные упреки того же плана. То прошлое, о котором идет речь, это *актуальное прошлое* — и потому стороны осуществляют своего рода согласование воспоминаний, точнее, тех сторон и акцентов, которые являются приемлемыми, и тех, которые станут предметом уступок или «зонами молчания». Самарин подчеркивает, что не просто критикуя, но и вышучивая славянофилов, Герцен одновременно ослабляет и собственную позицию, поскольку то, что становится предметом его иронии, очень близко его собственным взглядам текущего момента: он пишет мемуары, относя себя к лагерю «западников», тогда как его нынешняя позиция оказывается мало в чем схожа с позицией основного печатного органа остатков «западничества» конца 1850-х г. — издаваемого Е. Ф. Коршем журнала «Атеней».

Герцен ответил на послание Самарина в письме к наиболее тесно общавшемуся с ним в то время участнику славянофильского кружка — Ивану Сергеевичу Аксакову. 8 ноября (27 октября) 1858 года он писал: «Несколько месяцев> тому назад получил я письмо от С<амарина>, — письмо хорошее и умное, но много еще и очень многое нас делит. Не одна религия (она у вас больше натянутое общение с народом, нежели непосредственное чувство), но и нетерпимость не только к настоящим деятелям, но и к умершим.

Неужели С<амарин> может по духу партии не признавать действительного значения Грановского в Моск<овском> универ<ситете>? То же о Белинском? Он упрекает меня в том, что я своих раскрашивал, а ваших уменьшал. Неужели мои строки о Киреевских не полны уважения?.. Я собирался к нему писать длинное письмо, а теперь П. И. <Бартенев> меня взял врасплох, я и решил только написать вам. Но несмотря на все разномыслия, в одном мы соединены вполне — в общей искренней

любви к России, в страстном желании освобождения крестьян с землею, и во имя этих двух баз мы горячо жмем руку вам и С<амарину> <...>

Р. S. Еще слово С<амарину>. Я уверяю его честным словом, что я tout de bon¹⁹ и откровенно принял выражение „принижающаяся личность“, тем больше что странное выражение это очень резко.

Не деля ваших мнений, я вас больше понимаю и больше сочувствую с вами, нежели с нашими поклонниками централизации и французской болезни: эти гувернеры народа, просветители, мандарины и светские попы, будущие Бироны в теории и Аракчеевы в журналах вовсе не представляют той стороны: в истории были люди 14 декаб<ря>, Белинс<кий>, Гранов<ский>, весь наш круг до 46 года. Я уверен, что вы все отступите от ваших ультраславянских мутей, являющ<ихся> иной раз у самого Конст<антина> Серг<еевича> и у Хомяк<ова>. Верите ли вы, что Иванов был на дороге к иконописи, которую он, как артист, терпеть не мог? Или думаете вы, что в самом деле на Западе не было живописи? А ведь это напечатано.

Статьи С<амарина> я никогда не получал.

Пришлите нам от себя статью о славяноф<ильском> направлении, и начнемте уяснять дружеским спором вопрос» (Герцен, 1962: 220–221).

Герцен учёл некоторые замечания Самарина и в вышедшем в 1861 г. отдельном издании «Былого и дум» внёс корректировку в образ славянофилов. В частности, говоря об их взаимоотношениях с Николаем I, он писал: «Встреча московских славянофилов с петербургским славянофильством Николая была для них большим несчастьем. Николай бежал в народность и православие от революционных идей. Общего между ними ничего не было, кроме слов. Их крайности и нелепости все же были бескорыстно нелепы и без всякого отношения к III отделению или к управе благочиния. Что, разумеется, нисколько не мешало их нелепостям быть чрезвычайно нелепыми» (Герцен, 1956: 136–137). Кроме этого, он убрал из характеристики Хомякова утверждение, что тот бесплодно проспорил всю свою жизнь.

«Дружеский спор», начать который предлагал Герцен, впрочем, не сложился — хотя И. С. Аксаков оставался одним из тайных корреспондентов «Полярной звезды» и «Колокола» до 1861 г. включительно, однако позиции «младших» славянофилов и Герцена начали быстро расходиться после недолгого сближения — для Ю. Ф. Самарина и И. С. Аксакова радикалы 1860-х были еще дальше, чем петербургское правительство, при всей нелюбви их к последнему. Это не мешало И. С. Аксакову высоко ценить Герцена и публично признавать его значение. Так, в 1863 г. он писал в «Дне»: «Герцен, при всех своих доходящих до преступности крайностях, стоит, пожалуй, в нравственном отношении несравненно выше тех молодых людей, которых, впрочем, он же большею частью породил и воспитал²⁰. В нем есть сила, есть сердце, есть горя-

19. «Полностью» (*фр.*).

20. Ср. отзыв Ю. Ф. Самарина из письма к кн. Е. А. Черкасской от 3.VI.1861: «Посмотрели бы Белинский, Грановский и Герцен на своих учеников, на своё создание, и они сами бы от них бы отступились. Дело в том, что все, что было живого в этих людях, живого, искреннего и теплого, принадлежало не направлению, не выработанному ими своду понятий, а тем началам, которыми они жили в ранней

чее участие к общественному благу, хотя криво и ложно понимаемому: он, по крайней мере, не космополит, и участь Русского народа ему ближе судьбы Французских швей; за то, впрочем, он уже и считается человеком отсталым у нашей передовой молодежи» (Аксаков, 1886: 247).

Личная встреча с Герценом, о которой Самарин мечтал в конце своего письма, состоялась только в 1864 г., когда он выехал за границу на лечение и прибыл на несколько дней в Лондон. К тому времени Польское восстание 1863 г., в ходе которого Герцен и славянофилы оказались по разные стороны баррикад, окончательно раскололо тот хрупкий союз, который намечался между ними в годы подготовки крестьянской реформы (Дудзинская, 1983: 57). Как и двадцать лет назад в Москве, Герцен и Самарин вновь ожесточённо спорили, но мостов для примирения между ними уже не было. Первый биограф Ю. Ф. Самарина барон Борис Эдуардович Нольде писал: «О подлинном споре узнали немногие близкие двух участников, и он был, конечно, событием только в личной жизни Самарина и Герцена. Но теперь — когда протекли десятилетия — свидание в Ройяль-Хотел на Блакфрайар-Бридж получает смысл исторического символа. Как когда-то в Зимнем дворце в конце зимы 1849 года, в лице Самарина и императора Николая сошлись две разных России, Россия новая и Россия старая, так и здесь сошлись две новых России — Россия революции и Россия исторической традиции» (Нольде, 2003: 202).

Сам же Герцен в письме к Огареву так описывал эту встречу (10/22.VII.1864): «У меня все еще идет кругом в голове от этого разговора, который длился от шести до часу непрерывно. Десять раз он принимал ту форму, после которой следовало бы прекратить и его, и знакомство. О сближении не может быть и речи, и при этом лично С<амарин> и уважает и любит меня. Я только вздохнул в № и спросил об нем, как явился он сам <...>. Я протянул ему руку, но он бросился обнимать меня» (цит. по: Нольде, 2003: 199–200).

Эхом этой встречи стала продолжавшаяся несколько месяцев переписка между Самариним и Герценом, философские размышления в которой переплетались с политическими обвинениями. Оба собеседника в конечном счете уже ничуть не пытались примириться или найти точки соприкосновения — с самого начала, с того лондонского разговора, было понятно, что это уже невозможно. Цель их была иная: выговориться, уяснить себе и другому суть своей позиции, добиться, чтобы собеседник понял ее, хотя и с признаваемой неизбежностью не принял — в некотором смысле оба собеседника чувствовали в этом странном эпистолярном разговоре отзвук бесконечных московских бесед 1842–1844 гг., тех, которые вести уже ни с кем другим им было невозможно да и незачем.

молодости, с которыми потом вступили в борьбу и от которых они легкомысленно отреклись. Отреклись, но не вполне; многое в них уцелело, конечно, бессвязного, разорванного, непоследовательного из этой среды, которая когда-то их освещала и согревала» (Самарин, 1997: 205).

* * *

В 1881 г. сын издателя «Колокола» Александр Александрович Герцен передал известному украинскому публицисту и историку Михаилу Павловичу Драгоманову, жившему в то время в Женеве и редактировавшему выходившую там газету «Вольное слово», значительную часть архива Герцена. Среди полученных Драгомановым бумаг было и публикуемое ниже письмо Самарина, впервые напечатанное в «Вольном слове» в 1883 г. (Самарин, 1883: 9–12). После публикации часть писем вернулась к сыну Герцена и была передана им в Румянцевский музей, в том числе было передано письмо Ю. Ф. Самарина (Литературное наследство, 1953: 1–2). В дальнейшем архив Румянцевского музея был преобразован в Отдел рукописей Библиотеки имени Ленина (ныне Отдел рукописей РГБ).

Данная публикация осуществляется по копии, хранящейся в фонде Самариных в Отделе рукописей РГБ (ОР РГБ. Ф. 265. Картон 39. Ед. хр. 5. лл. 506–1406). В настоящей публикации орфография текста частично приведена в соответствие с современными нормами с сохранением индивидуальных особенностей написания.

Литература

- [Аксаков И. С.] (1886). Сочинения И. С. Аксакова. Том III: Польский вопрос и западно-русское дело. 1860–1886. Еврейский вопрос. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвичка» и «Руси». М.: Типография М. Г. Волчанинова.
- Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 3: в 2 частях. «Московские сборники». Исследование украинских ярмарок. Ополчение. В комиссии князя В.И. Васильчикова. Путешествие за границу. «Русская беседа». «Парус». Ч. II: 1857–1860. (2011) / сост. С. В. Мотин, И. И. Мельников, А. А. Мельникова; под ред. С. В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России.
- Базилева З.П. (1949). «Колокол» Герцена (1857–1867 гг.). М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы.
- Белинский В.Г. (1983). Собрание сочинений в 9-ти т. Т. 9: Письма 1829–1848 годов / ред. тома В. И. Кулешов, сост. М. Я. Поляков, подгот. текста В. Э. Борада, прим. К. П. Богаеской и А. Л. Осповата. М.: Художественная литература.
- Власть и реформы: от самодержавной к Советской России. (2006) / отв. ред. Б. В. Ананьич. М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис.
- Герцен А. И. (1954а). Сочинения в 30-ти томах. Т. II. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Герцен А. И. (1954б). Сочинения в 30-ти томах. Т. VII. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Герцен А. И. (1956). Сочинения в 30-ти томах. Т. IX. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Герцен А. И. (1957). Сочинения в 30-ти томах. Т. XII. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Герцен А. И. (1958). Сочинения в 30-ти томах. Т. XIII. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Герцен А. И. (1961). Сочинения в 30-ти томах. Т. XXII. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Герцен А. И. (1962). Сочинения в 30-ти томах. Т. XXVI. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Герцен А. И. (1966). Былое и думы // Полярная звезда. Книга 1. М.: Наука.

- Голоса из России. Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Кн. I–III. Вып. 1. (1974) / руководство изданием акад. М. В. Нечкиной; публикация текста под наблюдением Е. Л. Рудницкой. М.: Наука.
- Голоса из России. Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Кн. X: Комментарии и указатели. Вып. 4. (1975) / руководство изданием акад. М. В. Нечкиной; под ред. М. В. Нечкиной и Е. Л. Рудницкой. М.: Наука.
- Дмитриев М. А. (1998). Главы из воспоминаний моей жизни / подготовка текста и коммент. К. Боленко, Т. Нешумовой, Е. Ляминой. М.: Новое литературное обозрение.
- Дудзинская Е. А. (1983). Славянофилы и Герцен накануне реформы 1861 года // Вопросы истории. 1983. № 11. С. 43–59.
- Литературное наследство. Т. 61: Герцен и Огарёв. (1953). М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Малия М. (2010). Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855 / вступ. ст. А. Павлова; пер. с англ. А. Павлова и Д. Узланера. М.: Территория будущего.
- Милюков А. П. (1956). Знакомство с А. И. Герценом // Герцен в воспоминаниях современников / сост., вступ. ст. и коммент. В. А. Путинцева. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 222–237.
- Нольде Б. Э. (2003). Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо.
- Огарева-Тучкова Н. А. (1956). Воспоминания // Герцен в воспоминаниях современников / сост., вступ. ст. и коммент. В. А. Путинцева. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 176–221.
- Пассек т. п. (1963). Из дальних лет. Воспоминания. Т. I / вступ. ст., подгот. текста и прим. А. Н. Дубовикова. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Перцев А. В. (2009). Фридрих Ницше у себя дома: опыт реконструкции жизненного мира. СПб.: Владимир Даль.
- «Русская беседа»: история славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. (2011) / под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского, О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом.
- Самарин Ю. Ф. (1883). Письмо к А. И. Герцену // Вольное слово. 1883. № 59. С. 10–12.
- Самарин Ю. Ф. (1911). Сочинения. Т. 12. М.: Типография А. И. Мамонтова.
- Самарин Ю. Ф. (1997). Статьи. Воспоминания. Письма: 1840–1876 / сост. Т. А. Медовичева. М.: ТЕРРА.
- Сухов А. Д. (2009). Литературно-философские кружки в истории русской философии (20–50-е гг. XIX в.). М.: ИФ РАН.
- Тесля А. А. (2012). Запрещенная 6-я статья И. С. Аксакова из цикла «О взаимном отношении народа, общества и государства» // Социологическое обозрение. Т. 11. № 2. С. 41–70.
- Тютчева А. Ф. (2008). Воспоминания. При дворе двух императоров / сост., вступ. ст., пер. с франц. Л. В. Гладковой. М.: Захаров.
- Цимбаев Н. И. (1978). И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во МГУ.
- Цимбаев Н. И. (2007). Историософия на развалинах империи. М.: Издательский дом Международного университета в Москве.

- Чичерин Б. Н.* (1858). О настоящем и будущем положении помещичьих крестьян // Атеней. 1858. Ч. 1. С. 486–526.
- Чичерин Б. Н.* (2010). Воспоминания в 2-х т. Т. 1. М.: Изд-во им. Сабашниковых.
- Шукин В. Г.* (2007). Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Эйдельман Н. Я.* (1966). Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М.: Мысль.
- Walicki A.* (1975). The Slavophile controversy: history of a conservative utopia in nineteenth-century Russian thought. Oxford: Clarendon Press.